

Антидемократические тенденции в деятельности политических партий

Борис Исаев,

доктор социологических наук, профессор
(Балтийский государственный технический
университет им. Д.Ф.Устинова, Санкт-Петербург).

Сложной проблемой партийных организаций является их олигархизация, бюрократизация, проявление бонапартизма и цезаризма, коррупции, в общем – нарастание антидемократических тенденций и антиморальных проявлений.

Эта проблема усугубляется тем фактом, что практически все основные современные партии признают мораль одной из основ общества, а демократию – его краеугольным камнем, силой, дающей возможность проявиться креативности и активности всех индивидов и социальных групп, всячески поддерживают демократические тенденции и демократизацию общества. Выражая поддержку демократии и соблюдению моральных норм в окружающем обществе, партийное руководство, казалось бы, должно прикладывать все усилия и показывать личный пример соблюдения моральных норм, бороться с проявлениями антидемократических тенденций во внутрипартийных отношениях. Однако этого не происходит.

Еще Алексис де Токвиль в 30-х годах XIX в., сравнивая аристократические европейские и демократическое американское правительства по возможностям для коррупции, обнаружил большую коррумпированность именно демократического правительства, составленного из представителей демократических партий, так как “в аристократических правительствах государственными делами занимаются люди состоятельные, которых на государственный пост приводит лишь

стремление к власти. В демократических правительствах государственные деятели – это бедные люди, и им только предстоит нажать состояние”¹.

Это же можно сказать и о партийном руководстве.

Не следует думать, что антидемократические тенденции появляются в политических партиях на каком-то определенном этапе развития.

Джеймс Брайс, исследуя зарождение американских партий, уже в протопартиях колониального периода (он писал о 50-х

годах XVIII в.) обнаружил тенденцию к олигархизации, когда “небольшой кружок влиятельных граждан обыкновенно назначал кандидатов на провинциальные и колониальные должности, а его выбор обыкновенно встречал одобрение, несмотря на то, что не опирался ни на какой авторитет, кроме личного влияния членов кружка”².

М.Я.Острогорский в ведущих американских партиях XIX – начала XX вв. обнаружил, кроме формальной организации, неформальные *кокусы* – закулисные группировки, оказывающие решающее воздействие на выдвижение кандидатов, и *ринги* – группы поддержки и обеспечения избрания нужных партиям кандидатов. Эти кокусы и ринги пытались достичь поставленных целей любой ценой, в том числе нарушая моральные принципы.

Филадельфийский Газ-ринг, например, “формировал большинство за счет мошенничества с голосами и вскрытия бюллетеней; он покупал голоса оптом и в розницу, заставляя всех, состоящих на службе города, доставлять средства для подкупа; даже агенты полиции не были избавлены от этого”³.

Проблемами бюрократизации и олигархизации социал-демократических партий и профсоюзов занимался немецкий теоретик Роберт Михелс. В 1911 г. он издал работу: “Политические партии: социологическое исследование олигархических тенденций современной демократии”.

В начале своего исследования он исходил из предположения, что социал-демократические партии, которые смысл своего существования видели в установлении общественной и государственной демократии, должны иметь образцовую демократическую организацию своей собственной внутрипартийной жизни. Но в процессе работы он обнаружил ничуть не меньшие проявления олигархического и бонапартистского управления в социалистиче-

ских партиях, чем в так называемых “буржуазных”.

Причиной тому, по Михелсу, служат социальные процессы, которые можно подвести под собирательное название “обуржуазивание рабочих партий”.

Процесс обуржуазивания рабочих партий состоит, по Михелсу, из следующих явлений или субпроцессов:

- привлечение в ряды рабочих партий мелкобуржуазных элементов, то есть людей, незанятых напрямую физическим трудом, и расширение электората рабочих партий за счет мелкобуржуазных избирателей.

Это делает указанные партии не классовыми организациями рабочих, а народными, партиями трудящихся.

Социальная трансформация рабочих партий ведет за собой трансформацию политическую.

Так как теперь партия становится выразительницей интересов не только рабочих, но и трудящихся, то и ее программа, и ее политический курс должны быть соответствующими;

- переход пролетариев, ставших партийными функционерами, партийными чиновниками, редакторами партийных газет (и изменивших, таким образом, характер труда с физического на умственный) на мелкобуржуазные позиции.

“Социал-демократия, – делает вывод Михелс, – служит для определенных слоев наемных рабочих ... машиной классового возвышения, причем по мере расширения и роста ее бюрократического организма. На ее долю выпала недобровольная задача отчуждения части рабочих и к тому же во многом наиболее способной, умной части пролетариата, ее депролетаризации и включения в мелкую буржуазию, а иногда даже и в среднюю”⁴;

- приход в ряды рабочих партий на многочисленные бюрократические должности представителей интеллигенции, мелкой и средней буржуазии.

Анализ мотивов этого прихода, проведенный Михелсом выявил два социальных типа:

– “человек науки”, движимый идеалистичными установками, приходящий на партийную работу “ради науки”.

– “человек сильных чувств”, движимый чувством справедливости. Именно эти типы людей наиболее восприимчивы к социалистическим идеям.

Иногда помощь социалистическим партиям оказывают представители плутократии – очень богатые люди, желающие, чтобы состояние достатка, в котором они живут, стало доступным и другим людям.

Все эти люди не только работают в партиях и оказывают им практическую помощь, но и привносят “буржуазное сознание и буржуазные отношения” в рабочую среду.

Кроме рассмотренных выше *социально-классовых и интеллектуальных* Михелс выделил еще *психологические причины* олигархических тенденций в рабочих организациях, которые заключаются в безразличии, пассивности, политической апатии и потребности в руководстве, в наставничестве партийных масс и, наоборот, активности, информированности, стремлении к власти партийных верхов.

К *техническим причинам олигархизации партий* Михелс отнес рост их численности и усложнение организационной структуры, расширение масштабов и сложности партийных задач.

В этих условиях фактически вся партийная элита не только становится на “мелкобуржуазные” и олигархические позиции, но и сознательно увеличивает свой отрыв от массы, держит ее в неведении и принимает решения исключительно “навверху”. “Обуржуазившиеся” рабочие партии с точки зрения бюрократизации следуют за “буржуазными” партиями, так как все больший объем внутрипартийной работы в них доверяют профессиональным чиновникам. Элита рабочих партий или

партийное руководство по примеру “буржуазных” партий игнорирует мнение руководимой массы, давая ей минимум информации и принимая важнейшие решения без нее. Разрыв техных отношений между партийным руководством и рядовыми членами, характерный для первых этапов рабочего движения, когда оно не достигало большого размаха и высокой степени организации, Михелс назвал олигархизацией рабочих партий. Он вывел “железный закон олигархии”, который утверждает, что любая организация, в том числе политические партии, несет в себе олигархическую тенденцию, определяющую закономерность и объективность перерождения партийной демократии в партийную олигархию, который не только оставляет партийные массы вне поля принятия значимых решений, но и открывает путь наверх наиболее способным представителям этих масс. “Кто говорит “организация, тот говорит “олигархия””⁵.

В условиях разрыва руководства партий и партийных масс возникает возможность *партийного бонапартизма*, когда тот или иной возвысившийся до “заоблачных вершин” харизматический партийный вождь время от времени (по примеру Бонапарта) спускается с этих вершин, напрямую обращаясь к партийной массе. Делается это отнюдь не для демократизации отношений партийных верхов и низов, а для искусственного создания и поддержания своей харизмы или для завоевания массы на свою сторону в случае ожесточения верхушечной схватки за власть.

Макс Вебер, исследуя господство чиновников в политических организациях, разделил по этому признаку все партии на два типа:

– *Организации ведомственного патронажа*, целью которых является про-

движение своего лидера на руководящий пост, чтобы впоследствии тот назначил “собственную свиту – чиновничий и пропагандистский аппарат партии – на государственные должности”. Такие партии зародились в США в 20-е годы XIX в.;

– *Преимущественно мировоззренческие организации, которые стремятся к осуществлению содержательных политических идеалов.*

Например, католическая Партия центра в Германской империи или СДПГ.

Но и патронажные, и мировоззренческие партии (и американские, и европейские) “на протяжении последних десятилетий (речь шла о начале XX в. – Авт.), – и это особенно подчеркнул Вебер, – с растущей рационализацией техники предвыборной борьбы переходят к бюрократической организации”⁶.

Бюрократизация партий, по Веберу, может принимать разные формы:

- организации-машины в США;
- организация-кокус Дж. Чемберлена в Великобритании;
- организация-капелланократии, когда церковный аппарат вмешивался в деятельность Партии центра в Германии;
- парторганизация-госаппарат, при которой сращивается партийное и государственное руководство, как это наблюдалось в Консервативной партии Пруссии.

Но главная тенденция в этом направлении, отмеченная Вебером, заключается в усилении партийной бюрократии в партиях, общественной бюрократии в других организациях гражданского общества, частной бюрократии в кампаниях и фирмах и государственной бюрократии в системе власти. Вебер не испытывал тревоги и, тем более, не видел нарушения моральных принципов в усилении бюрократии или, точнее, массовом распростра-

нении бюрократической организации; он связывал ее появление, в том числе в политических партиях, с общим развитием капиталистических отношений, индустриализма и рационализма.

В эпоху Индустриализма все организации, в том числе и политические партии, становятся рациональными, индустриальными, капиталистическими предприятиями.

Если китайские мандарины, римские и византийские чиновники, да и все чиновники вообще до эпохи Индустриализма получали традиционное образование и на протяжении всей своей карьеры были связаны традициями, то есть патриархально и иррационально ориентированы, то современные чиновники: государственные, частные или партийные получают, как правило, современное университетское образование, ориентированы рационально и работают на индустриальных предприятиях.

Современная или, если угодно, бюрократическая организация позволила от “дилетантского управления” партиями перейти к профессиональному управлению, которым занимается не кучка любителей-дилетантов, а аппарат деловых людей, специально обученных и подготовленных профессионалов.

Разумеется, профессионализация и рационализация управления партиями принесла не только позитивные, но и негативные явления.

Вебер выделил три таких факта:

- К власти в партиях пришли чиновники.

Они вытеснили не только из партийных аппаратов, но и из парламентских фракций политиков, бывших партийных вождей, результатом чего стало, как выражался Вебер, “бессилие парламентов”;

- Профессиональные чиновники стали претендовать не только на места специалистов партийных аппаратов

или государственных чиновников, но и на министерские должности;

– Мировоззренческие партии, менее других попавшие под власть партийных чиновников и отрицавшие практику раздачи последним государственных должностей, оказались “выдавленными” из государственных органов⁷.

Мимо проблемы олигархизации партий не прошел также Морис Дюверже.

Он согласился с выводами Р. Михелса, но, обладая новым материалом о возрастании власти руководителей коммунистических и фашистских партий, поставил вопрос об авторизации партий и возникновении нового типа партийной организации – *авторитарной партии*.

Краеугольным камнем фундамента авторитарной организации служит жесткая партийная дисциплина. Авторитарные партии и авторитарные тенденции в неавторитарных партиях, согласно Дюверже, возникают по следующим причинам:

– массовые партии, послужившие прообразом партиям авторитарным, были сильны не только своей численностью, но и это главное – своей организованностью.

Как пример превалирования численности над организацией Дюверже привел массовое движение под руководством Гапона в России 1905 г.

Оно имело достаточно большое количество сторонников, но было плохо организовано и не добились своей цели.

С возрастанием численности партий значение организации и дисциплины в них резко возрастает. Это хорошо понимал Ленин, уделявший первостепенное значение организации вооруженного восстания в 1917 г., опиравшийся на политическую партию и ее военную организацию и, имея сравнительно небольшую численность

большевистской партийной и военной организации, добившийся успеха;

– авторитарное руководство, по крайней мере, большими по численности партиями, более эффективно, чем руководство, основанное на демократических принципах.

“Дисциплина, – утверждал Дюверже, – составляет главную основу не только армий, но и партий”, следовало только добавить авторитарных партий, ставящих цели захвата власти непарламентскими методами, хотя и в парламентских партиях, например, дисциплина голосования имеет решающее значение.

Если демократическое руководство улучшает взаимоотношение верхов и низов партии, помогает сплочению последней, то авторитарное руководство, даже когда партия находится в меньшинстве, придает ее действиям организованность и решительность, способность оказать давление на правительство или даже изменить политический режим;

– авторизации партий способствует персонализация их руководства, вплоть до создания культа личности и обожествления вождей, формирует и всячески подчеркивает авторитарные черты характера их руководителей. С этой, политико-психологической точки зрения тенденции к авторизации имеют не только антидемократические, но и любые другие партии, избравшие руководителей с авторитарными наклонностями.

Как примеры привнесения авторитаризма в партии их собственными руководителями Дюверже привел К. Маркса (в I Интернационале), Лассалю и Геда в Социалистической рабочей партии Германии, Жореса во французской социалистической партии, Вандервельде во II Интернационале, Блюма в ФСП и др., не говоря уже о таких партийных вождях, как Ленин, Сталин, Муссолини, Гитлер, Франко, Салазар и т.д.;⁸

– авторитарные партии превосходят свои демократические аналоги по мобилизационным возможностям, которые приобретают решающее значение в переломные, кризисные периоды жизни общества;

– наконец, само авторитарное руководство, которое избирается на узких “сходках”, которое может оперативно кооптировать в свой состав любых необходимых лиц, которое вообще может не переизбираться, а назначаться, как это делается в фашистских партиях или в коммунистических организациях в период, например, политических кризисов или войн, способствует нарастанию авторитарных тенденций в партиях.

Современные теоретики организаций достаточно хорошо исследовали различия авторитарного и демократического стилей руководства, их преимущества и недостатки.

Так, например, американский теоретик Дуглас Мак-Грегор считает, что *демократичное руководство* апеллирует к потребностям людей более высокого уровня.

Например: осознание целей и задач организации, обеспечение автономии и самовыражения каждого ее члена в отличие от потребностей более низкого уровня, таких как необходимость есть, пить, одеваться и т.д.

Оно избегает навязывать свою волю рядовым членам, а важнейшие решения стремится принимать на общих собраниях всех членов.

Строгой дисциплине оно предпочитает децентрализацию и делегирование полномочий вниз, что делает деятельность непосредственных исполнителей более творческой и привлекательной.

Для демократических руководителей характерен не жесткий контроль за деятельностью “низов”, а создание атмосферы открытости и доверия, двусторонность коммуникаций, обратная связь с рядовыми членами организации.

Авторитарное руководство принимает все решения “наверху” и в узком кругу, куда не допускаются представители низовых структур. Оно всячески централизует свои полномочия, структурирует и стандартизирует работу рядовых исполнителей, лишая их инициативы и творчества. Особое внимание авторитарное руководство придает контролю деятельности низов, ведь в условиях недостатка информации, когда “сверху” поступают только обязательные к исполнению команды, руководителям приходится постоянно проверять и перепроверять результаты исполнительской работы “низов”. В то же время, сосредоточенность на определенных задачах, а не на собственном отношении к ним дает быстрый результат и делает авторитарное руководство при определенных условиях более эффективным⁹.

Итак, современная теория организаций подтвердила гипотезу Дюверже о большей эффективности авторитарного руководства по сравнению с демократическим, особенно когда следует добиться не самоудовлетворенности “низов” демократичностью организации, а строго определенного результата, например, захвата власти путем вооруженного восстания. Вот почему системные партии, защищающие интересы своих членов в рамках определенного политического режима, предпочитают демократический стиль руководства, а антисистемные партии, ставящие целью своей деятельности политический переворот, культивируют авторитаризм.

Обобщая взгляды классиков партологии и современных теоретиков организаций и менеджмента, можно сделать вывод о том, что авторитарные тенденции характерны и для современных демократических партий. Особо ярко они проявляются:

– при увеличении количественного состава партий, разветвлении структуры партийных организаций и, как следствие – разрастание численности и структуры руководящих партийных органов. Рост численности, увеличение числа уровней партийного руководства ведет, хотя ли рядовые партийцы или нет, к увеличению статусов партийной элиты с тенденцией постоянного роста лестницы статусов и, следовательно, возможностей партийной карьеры. Именно возможность сделать карьеру и привлекает в современные партии молодежь;

– в персонализации политики, когда избиратели отождествляют с партией ее руководство или, чаще, одного “вождя”, создавая ему ту самую харизму, служащую прикрытием для отрыва от рядовой партийной массы, создающую непроходимую пропасть между низами партии и окружением харизматического лидера;

– в борьбе за повышение эффективности партийной деятельности. Особенно это ярко проявляется во время предвыборных кампаний, когда небольшая команда профессионалов, действуя часто авторитарными, недемократическими методами, подчас на грани нарушения законов, не говоря уж о моральных нормах, “раскручивает” имидж партийного кандидата в течение двух-трех месяцев. Понятно, что за такой срок и до таких высот, действуя строго законными, моральными и демократическими методами, этого добиться невозможно. Вот почему партийное руководство закрывает глаза на все нарушения в деятельности предвыборных штабов;

– в усилении конкуренции универсальных партий, то есть организаций, ведущих свою агитационную деятельность в одних и тех же социальных слоях общества, а именно в разросшемся среднем классе.

Универсализация социальной базы партий ведет к универсализации их программ, стратегий и тактик, что резко усиливает конкуренцию между партиями.

Усилившаяся конкуренция не дает возможности партийному руководству задумываться над моральностью и демократичностью тех или иных методов партийной борьбы: “все, что применяют конкуренты должно быть освоено и применено и нами с максимальной эффективностью” – вот лозунг универсальных партий, за который они были прозваны партиями “хватай всех”;

– в появлении феномена картельных партий, которые сформировались в условиях все возрастающей финансовой поддержки партий государством, осуществляемой, кстати, под лозунгом борьбы с партийной коррупцией.

Картельные партии охотно принимают государственную помощь, не отвергая при этом пожертвований частных лиц. Но государственная помощь, предусматривающая отчисление средств на счета и в избирательные фонды партий, проверку их расходования и т.д. создает уникальные условия сближения партийной верхушки с государственной бюрократией.

Уникальность этих условий может быть понята исходя их возможности сразу двух сговоров:

– между партийными бюрократами основных парламентских партий страны, для чего необходима партийная система, исключая антисистемные партии;

– между партийными верхушками парламентских партий и государственной бюрократией.

Эффект картелизации современных партий, открытый Р.Катцем и П.Мэйром¹⁰, позволил увидеть новую грань старого явления бюрократизации, авторизации, бонапартизации, а именно: любая антидемократическая тенденция

в партии ведет, в конце концов, к коррупции ее руководства.

Примерами здесь могут служить как "старые, добрые" подолгу находившиеся и находящиеся у власти партии развитых стран (ЛДП Японии, ХДП Италии, СДП Германии и др.), так и сравнительно молодые, но еще более коррумпированные партии африканских, латиноамериканских и азиатских стран как правоцентристские, консервативные партии, постоянно пекущиеся о соблюдении моральных норм, так и левые, социалистические организации, выдвигающие все новые проекты демократизации общества.

С другой стороны, партийные низы постоянно требуют, а партийное руководство довольно часто провозглашает курс или программу реформ, направленных на демократизацию партии, очищение партийных рядов от партийцев, запятнавших себя аморальными поступками. Но от этих "требований и провозглашений" до реальных дел дистанция, как говорится, огромного размера.

Действительная демократизация партийной жизни осуществляется под воздействием следующих факторов:

- в случае поражения партии на очередных выборах, смены руководства и обращении новых лидеров к партийным низам.

"Поражение есть мать партийных изменений" – утверждает Кеннет Джанда;

- при усилении внутрипартийной борьбы, как правило, сопровождаемой внутрипартийной дискуссией. В этом случае все или большинство партийных фракций апеллируют к партийным массам и выдвигают лозунги демократизации;

- при ослаблении власти партийного руководства, которое может быть вызвано как объективными (снижение

численного состава, количества подаваемых за партию голосов, вообще уменьшение политического веса партии), так и субъективными факторами (авторитарный стиль руководства, устранение политических противников недемократическими методами, вообще ухудшение имиджа лидеров партии);

- в случае прихода к власти в партии представителей демократически настроенной фракции или демократического течения;

- в случае раскрытия государственными органами или представителями СМИ коррупционной деятельности партийного руководства, обычно являющейся следствием непрозрачности партийного бюджета, усиления партийной бюрократии.

Таким образом, контрверза "партийная демократия *versus* партийный авторитаризм" имела, продолжает и, очевидно, всегда будет иметь место в деятельности партий. Возникает вопрос: "Что следует делать, чтобы максимально сместить соотношение демократии и авторитаризма в пользу первой?"

Готовых ответов на поставленную проблему, разумеется, нет, хотя определенные рецепты для лечения болезни авторизации политических партий существуют. Так как партии представляют собой государственно-общественные организации, действующие и в гражданском обществе, и в государственных структурах, то и воздействие на их деятельность следует предпринимать на двух уровнях.

На уровне государства:

- в законе о партиях четко определять в числе требований к создаваемым общественно-политическим организациям положение о демократическом характере партий. В данном случае Верховному суду будет проще контролировать, а порой и запрещать деятельность партий, признанных недемократическими;

– в законодательстве, связанном с ведением избирательных кампаний четко определять в числе требований демократический, открытый и честный характер избирательной деятельности партий;

– систематически контролировать финансовую деятельность партий.

На уровне гражданского общества:

– держать деятельность партий и, особенно, партийного руководства под постоянным огнем критики в СМИ;

– развивать научные исследования парламентской деятельности партий, их работы в избирательных кампаниях и, особенно, деятельности партийного руководства и партийного аппарата;

– развивать контакты общественных организаций, социальных движений, представителей общественности с партиями;

– развивать конкуренцию, открытое соперничество между партиями;

– увеличивать возможности общения партий с избирателями и не только во время избирательных кампаний.

На уровне самих партий демократизация редко инициируется партийным руководством, особенно, если его позиции достаточно прочны. Исследовавшие эту проблему американские теоретики К.Джанда и Р.Хармел выдвинули *интегративную теорию партийных изменений*.

Они исходили из представления, что партии – консервативные организации и, как могут, сопротивляются переменам, так как последние ведут к перерасходу человеческих и материальных ресурсов. Отсюда вытекает вывод Джанды и Хармела: партии будут меняться только под давлением. Руководство партии решится на перемены только тогда:

– когда оценит, что преимущества от перемен стоят затраченных ресурсов;

– когда оно будет уверено, что изменения сохранят и упрочат его власть в партии¹¹.

Поэтому на уровне самих партий демократизация может иметь место, в

первую очередь, под давлением партийных низов и только во вторую – по инициативе сверху.

Исходя из этого, по нашему мнению, следует:

– повышать активность рядовых членов, расширять число партийных активистов;

– развивать открытость деятельности партий, систематически давать информацию о партийной работе в СМИ, в партийной печати, в Интернете и т.д.;

– снижать роль аппарата партии, за счет повышения роли рядовых членов;

– строить децентрализованную и сетевую внутрипартийную структуру вместо строго централизованной;

– повышать роль съездов и общих собраний за счет снижения роли советов, кокусов, кулуарных сговоров;

– совершенствовать внутрипартийную информацию, критику в партии;

– работать с постоянными приверженцами партии, создавать и развивать институт симпатизантов.

Но это, пока, только теоретические предпосылки демократизации партий.

В реальной политической жизни, в условиях жесткой конкуренции партий в борьбе за власть партийное руководство нередко нарушает некоторые из указанных выше положений, а порой и грубо игнорирует их.

Тогда возникают коррупционные скандалы, связанные с незаконным использованием партийных средств отдельными руководителями, их подкупом представителями профсоюзов, бизнеса или мафии. Иногда в СМИ просачиваются сообщения о нарушении общественной этики и морали тем или иным партийным боссом.

Кроме того, бюрократизация и олигархизация в практической деятельности партий, вызывает и другие явно недемократические явления.

Российские исследователи Исаев М.А., Чекатинский А.Н., Шишкин В.Н. на

примере скандинавских стран выявили следующие характерные черты в деятельности партийной олигархии:

– цезаризм партийного лидера, под которым понимается не просто избранный на высший партийный пост функционер, а сильная личность, харизматический лидер, подчиняющий своему влиянию всю партийную массу, а зачастую и своих политических противников.

Яркими примерами тому служат представители социал-демократического движения (не говоря уже о лидерах партий других идеологических направлений): Таге Эрландер и Улоф Пальме (оба – Социалистическая рабочая партия Швеции, СРПШ), Эйнар Герхардсен и Гру Харлем Брутланд (и первый и вторая – Норвежская рабочая партия, НРП), Эрхард Якобсен, Аксель Ларсен и Уффе Эллеман Йенсен (все – Социал-демократическая партия Дании, СДПД), Калеви Сорса и Пааво Вяюрюнен (оба – Социал-демократическая партия Финляндии, СДПФ).

Партийный цезарь, вождь партии не только доминирует во внутрипартийной жизни, но и обеспечивает партии, разумеется, под своим руководством, победу на выборах, формирование правительства и большинство в парламенте;

– фактическое неравенство в возможностях членов партии.

Цезаризм во внутрипартийных отношениях вызывает отчетливое разделение членов партии на “героев” и “толпу” (Т.Карлейль), “удавов” и “кроликов”, партийную элиту и партийную массу. При этом “цезарь”, признанный вождь не терпит вокруг себя никого, кто мог бы сравниться с ним и бросить ему вызов; он и только он назначает свое ближайшее окружение, обеспечивая себе, таким образом, абсолютную власть;

– не соблюдение партийной дисциплины и устава партийной олигархией.

Цезаризм разделяет партийцев на тех, кто подчиняется партийной дисциплине и соблюдает нормы устава и тех, кто подчиняется лично лидеру партии. Вообще в этих условиях требования устава партии практически уходят на второй план, а партия сплачивается вокруг лидера, имея главной целью выполнение программы.

Солидарность в цезаристских партиях на практике понимается как лояльность целям партии и ее лидеру. Каждый член партии должен всегда и во всем поддерживать свою партию, а как партия и лидер будет реализовывать цель, это уже не важно;

– концентрация власти в руках лидера и партийной олигархии.

Партийная демократия практически реализуется как рутинная процедура утверждения доклада лидера, избрание партийного руководства, кандидатов на парламентские выборы.

При этом партийное руководство и кандидатуры на выборы в парламент избираются из того же узкого слоя “удавов”, партийной элиты. Таким образом, фактически вся власть в партиях сконцентрирована в руках лидера и элиты¹².

Как видим, цезаризм отдельных лидеров из частного случая становится закономерностью деятельности всей партии, практика работы которой идет не по пути преодоления олигархической тенденции в сторону демократизации, а в противоположном направлении.

Реже, но с гораздо более серьезными последствиями выявляются прецеденты, связанные с олигархизацией или коррупцией всего руководства отдельных партий.

Особенно опасны для стабильного протекания политического процесса подобные скандалы в правящих партиях. В этом случае они часто потрясают

и даже реструктуризируют всю партийную систему страны.

Практика показывает, что процесс олигархизации и коррумпирования партийного руководства чаще и острее протекает в больших, централизованных, правящих партиях с развитой структурой центральных органов и большим количеством партийных бюрократов, имеющих развитые связи с государственными структурами и государственной бюрократией.

Именно сращивание партийных и государственных структур, партийной и государственной бюрократии в процессе долгого и бесменного нахождения партии у власти представляет собой наиболее опасное явление в процессе олигархизации современных партий.

Наиболее известные примеры – это продолжительные правления Индийского национального конгресса (ИНК в 1950–1978 гг.), Христианско-демократической партии (ХДП) в Италии (1946–1992 гг.), Либерально-демократической партии (ЛДП) в Японии (1955–1992 гг.), Институционно-революционной партии (ИРП) в Мексике (1929–2000 гг.), закончившиеся коррупционным скандалом, резким падением доверия избирателей, отстранением от власти, расколом или полной дезорганизацией этих партий.

В итоге одни из них (ИНК, ЛДП) сумели преодолеть синдром “длительного правления” и вернуться в число ведущих и даже правящих партий страны, другие

(ИРП, ХДП) до сих пор ищут средства преодоления этого синдрома.

Чем дольше находится партия у власти, чем короче и разветвленнее становятся ее связи с государственными органами, лоббистами бизнеса и мафии, чем более “развиты” руководящие органы самой партии, чем ниже партийный контроль за деятельностью партийного аппарата и руководства, тем более глубокие корни пускают олигархизация, бюрократизация, проявления цезаризма и коррупции, в общем, антидемократические тенденции и антиморальные проявления в среде партийных функционеров и партийной элиты и тем труднее после публичного проявления синдромов этих “болезней” партий проходит “лечение”.

Наиболее действенными средствами “лечения” этих “партийных болезней” являются: уход в оппозицию, очищение партийных рядов вплоть до полного избавления от всех скомпрометировавших себя бюрократов, олигархов, цезарей, бонапартов, коррупционеров и проч., избрание новых лидеров, демократизация внутрипартийной жизни и партийной организации, обращение к своим избирателям, и, вообще, апелляция к гражданскому обществу, а не к властным структурам, изменение программных установок и только после всех этих мер – новый штурм властных высот.

В современной России две партии “Единая Россия” и “Справедливая Россия”, особенно это касается первой, довольно тесно срослись со структурами исполнительной власти.

Единая Россия при этом порой берет на себя не свойственные партии государственные функции: строительства квартир, благоустройства городов, помощи сельскому хозяйству и др. Это еще более, чем в отмеченных выше примерах, служит олигархизации и коррупции правящей партии. По прошествии нескольких десятилетий нахождения у власти, а именно на такие сроки рассчитывают ее руководители, эти процессы неизбежно примут опасные размеры и будут чреваты партийным и политическим кризисом.

Поэтому уже сегодня “партиям власти” следует бороться не против неинституционализировавшихся “партии олигархов” и “партии национал-изоляционистов”,

стремящихся сделать соответственно шаг и два шага назад¹³, а против реальных оппонентов – думских партий, причем в равных и конкурентных условиях, диктующих всем политическим силам открытость гражданскому обществу, своим избирателям и рядовым членам партии, стремление к общему благу, а не к укреплению личной власти партийных лидеров, прозрачность и коллегиальность принятия решений, контроль выполнения постановлений и их финансового обеспечения, демократичность внутривнутрипартийных отношений и сменяемость руководства.

Это и будет практической гарантией для современных российских партий от олигархизации, бюрократизации, вождизма, коррупции, проявления любых антидемократических тенденций.

Примечания

- ¹ *Токвиль Ал. де.* Демократия в Америке. М., 1992. С. 176.
- ² *Брайс Дж.* Американская республика. М., 1989–1990. Цит. по: Мир политической мысли. Хрестоматия по партологии. Кн. 1. Основоположники партологии / Под ред. Б.А.Исаева, А.К.Голикова, В.Е.Юстужева. СПб, 2002. С. 136.
- ³ *Острогорский М.Я.* Демократия и политические партии. М. С. 347.
- ⁴ *Михелс Р.* Социология политической партии в условиях демократии. Цит. по: Мир политической мысли. Хрестоматия по партологии. Кн. 1. Основоположники партологии / Под ред. Б.А.Исаева, А.К.Голикова, В.Е.Юстужева. СПб, 2002. С. 192–195.
- ⁵ *Michels R.* Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. N.Y., 1966. P. 365.
- ⁶ *Вебер М.* К политической критике чиновничества и партийной жизни // Политические работы (1895–1919 гг.) М. С. 135–141.
- ⁷ *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. Избранные произведения. М., 1990. С. 683–688.
- ⁸ *Дюверже М.* Политические партии. М., 2000. С. 222–237.
- ⁹ *Мескон М., Альберт М, Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М., 1997. С. 25–87.
- ¹⁰ *Кац Р., Мэйр П.* Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Мир политической мысли: хрестоматия по партологии. Кн. 3. Современные партологи о политических партиях // Под ред. Б.А.Исаева, А.К.Голикова. БГТУ. СПб., 2005. С. 81–87; *Сморгунов Л.В.* Современная сравнительная политология. Учебник. М., 2002. С. 312–313.
- ¹¹ *Harmel R., Djanda K.* An Integrated Theory of Party Goals and Party changes // Paper delivered at the 1992 Annual Meeting of the American Political Science Association. Chicago. September 3–6.
- ¹² *Исаев М.А., Чекагинский А.Н., Шишкин В.Н.* Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М., 2000. С. 80–83.
- ¹³ *Сурков В.* Суверенитет – это политический синоним конкурентноспособности // Pro суверенную демократию. М., 2007. С. 59–61.